

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

...—Родные все говорили, настаивали: сходи к врачу да сходи к врачу, — вздохнула женщина с глубоким, застарелым смирением перед выпавшими страданиями. — А когда ходить-то? Работы много, дел по хозяйству невпроворот, крутишься с утра до ночи. Вот все и откладывала. А как припекло совсем, что и встать с кровати не смогла поутру, тогда уж муж отвез в район на обследование, а там посмотрели и рак поставили...

Майя давно уже перестала вслушиваться в слова и усваивать смысл того, о чем говорила соседка, — смотрела куда-то на берег реки, мимо которого они проплывали, и все кивала, что, мол, слушаю-слушаю и сочувствую, в такт ее речи, прерываемой тяжкими горестными, наполненными безысходностью, вздохами.

Она сочувствовала! Да так, что перехватывало дыхание и щемило сердце.

Всем, с кем свела ее эта непростая дорога. И этой уставшей, замученной колхозной тетке с печальной улыбкой уже принявшего свою страшную участь человека; и той женщине из поезда, что рассказывала про несчастье с сыном, приковавшее его к инвалидной койке, и другой попугачице с тяжелой болезнью,

и той нервной, дерганой интеллигентной даме, которая все выспрашивала ее через каждое предложение своего повествования:

— Как вы думаете, он поможет? — И заглядывала Майе в глаза с такой отчаянной надеждой, что-то высматривая в них и, видимо, не находя, отводила взгляд, вздыхала расстроено и качала головой: — Вот и я не знаю. Сомневаюсь, — и снова поворачивалась, смотрела на нее, словно себя убеждая в первую очередь. — А говорят, к нему с сомнением и без веры нельзя. Как думаете, правду говорят?

Майя пожимала плечами, прятала глаза от этой отчаянной надежды незнакомого человека и отходила, чтобы тут же столкнуться с кем-то другим, кто принимался рассказывать о своем горе. Почему-то многим хотелось поговорить о своих страданиях, несчастьях и горестях, доверить совершенно постороннему, незнакомому человеку, в силу каких-то своих непростых обстоятельств оказавшемуся среди них, сплоченных единой идеей, целью и надеждой.

Далеко не все кидались с рассказами, конечно, но многие... Люди словно старались высказаться и ждали от нее не только сочувствия, но и хоть какой-то обнадеживающей реплики, оптимистичного заверения или хоть намек на уверенность, что им обязательно помогут и все непременно наладится и станет хорошо, как и прежде.

А она не могла! Не могла ничего им сказать и ободрить никого не могла! Она невероятно мучилась от их откровений, чувствовала себя распоследней самозванкой среди всех этих действительно страждущих людей и даже немного побаивалась, что ее разоблачат и прямо вот сейчас скажут, какая она обманщица.

Море, целое море человеческих страданий и горя!

Она сочувствовала им всем! Так горячо и искренне сочувствовала всем собравшимся на этом стареньком катерочке, чапающем вверх по реке через ключья низко стелющегося у воды тумана, что задышалась не пролитыми слезами этого сочувствия и все пыталась вдохнуть поглубже.

И переживала ужасно свое полное несоответствие этому морю отчаянья и самой последней человеческой надежды!

Она чужая среди этих страждущих исцеления и помощи людей. У Майи все больше и больше крепло такое странное ощущение, словно она по великому благу заняла чье-то дефицитное койко-место в клинике, в которой спасают пациентов от смерти и страшных болезней, чтобы сделать... ну, не знаю что... подтяжку рожи, что ли, увеличение груди какое-нибудь или накачку задницы жиром для пущей сексуальности. Или встала в одну очередь с малоимущими и больными за продуктами первой необходимости, выдаваемыми по карточкам, имея дома холодильник, под завязку забитый дорогущими дефицитными деликатесами и давно ни в чем не нуждаясь по жизни.

И Майка мучилась этим своим несоответствием, слушая этих женщин, и ругала себя распоследними словами за то, что вообще ввязалась в эту авантюру! И какого черта она послушала тетю Вику! Ну зачем, зачем?!

Да и с какой такой она-то проблемой?! Смешно! «Проблема!» Здоровая девка, руки-ноги на месте, голова варит, родные-близкие в порядке, занимается любимым делом! И куда она поперлась?! Когда тут у людей такое!! Такое!!

— ...сказали, третья стадия, опухоль сложная, и никто не берется оперировать, и вряд ли что поможет... — снова вздохнула женщина и улыбнулась своей удивительной улыбкой мадонны, принимающей любую Божью волю, даже такую страшную — ...А Шура, муж мой, говорит: будем бороться. Вот прознал про Старца святого...

Майя вздохнула, кивнула в очередной раз и сбегала взглядом от этих глаз смиренной праведницы, посмотрев вперед — туда, где на самом носу катера замерла мужская фигура.

Когда они отошли от причала, мужчина неспешно прошел по палубе, осторожно переступая через рюкзаки и сумки, мимо рассеявшихся прямо на палубе людей, которым не хватило места на лавках, и встал на носу, метрах в трех от Майи и ее невольной болезнью спутницы. Да так и стоял, засунув руки в карманы джинсов, и смотрел куда-то вперед.

Майя место на лавке занять не успела, да и не спешила особо, если честно, словно хоть таким образом наказывала себя за несоответствие этим людям, собравшимся здесь. Вот и пришлось устраиваться на небольшом пятачке палубы на носу катера, усевшись на дорожную сумку, рядом с женщиной, которая тут же принялась рассказывать о своей болезни.

«Господи! — подумала с тоской, наверное, тысячный раз Майка. — И как я умудрилась во все это ввязаться? Как в другой мир попала, — и далеко не в первый раз за сегодняшний день подумала, глядя в спину мужчины: — Интересно, что же у него-то случилось? Тоже болезнь тяжелая? Не похоже, наверное, беда какая-то».

Мужчину этого она заметила сразу, как только вышла из вагона поезда. Майка помогала вынести вещи

какой-то старушке с палочкой, которая не мешала даме тащить необъятный баул на колесиках, а рядом из соседнего вагона в то же время мужик помогал выйти другой пожилой женщине и перетаскивал на перрон ее вещи.

Прямо два пионера-тимуровца, ей-богу!

И тут обе эти тетки, еще минуту назад бывшие чуть ли не немощными инвалидками, как сговорившись, подхватив свои драгоценные клунки, тюки и сумищи, шустро засемили вперед по перрону, и старушкина палка замелькала быстро-быстро, чуть ли не как орудие боя, а не клюка для поддержки. И Майя с мужичиной понимающе переглянулись и даже заговорщицки усмехнулись столь комичной ситуации, как два тех самых простодушных тимуровца, обжуженные ушлыми мошенницами.

И отчего-то вдруг задержались на пару секунд взглядом друг на друге.

Он был высокий, поджарый, по-спортивному подтянутый, темноволосый, но с седыми висками, добавлявшими его облику некую изысканность, одет в туристические дорогие ботинки, джинсы, белую майку, в спортивную, явно известной фирмы ветровку. И этот загородный стиль одежды «отдых—туризм» очень шел к его облику, к довольно суровому и закрытому выражению лица.

«Какой интересный! Вот с таким, наверное, ничего не страшно! Вообще ничего!» — прострелила неожиданная мысль в голове Майи, поразив ее необычайно.

Но тут выходящий из ее вагона пассажир отодвинул девушку в сторону, задев плечом, и Майя аж вздохнула, прерывая этот взгляд и как бы прогоняя

свою шалопутную, странную мысль, успевшую обдать теплом где-то у сердца.

Задевший ее дядька извинился, она ему улыбнулась отстраненно, кивнула, поправила дамскую сумочку, перекинутую через плечо наискось, повесила на согнутую руку дорожную сумку и, стараясь не смотреть больше в сторону мужчины, вызвавшего такие неожиданные эмоции, поспешила вслед за всеми к зданию вокзала.

На вокзале она немного замешкалась: то туалет посетить после долгой дороги; то выпрашивала, где останавливается нужный автобус. А когда доехала до Речного вокзала, если можно так громко назвать маленький домик с кассой и диспетчерской, рядом белую кирпичную коробку туалета, пару больших пирсов на реке и ряды лавок под навесом для ожидающих пассажиров, то подивилась количеству собравшегося народа.

Как выяснилось, здесь ходили не только каботажные катера, но паром и иногда большие экскурсионные суда. Но эти редко — раз в неделю, иногда два — глубинка России, Сибирь, что вы хотели, хоть край величиной с небольшое европейское государство и со своей интересной историей, чудесными городками, памятниками и уникальными природными ландшафтами красоты сказочной, но все же глубинка.

И вот там-то, на берегу, Майя снова увидела того мужчину из поезда, который ее так заинтриговал, вызвав странные мысли, волнение и теплоту в груди. Он стоял особняком от всех на высоком берегу у начала ступенек, ведущих вниз к кассе и пристаням, и смотрел через реку на дальний берег, погружившись в свои мысли.

Майя встала в очередь в кассу и, пока ждала, все поворачивала невольно голову и посматривала наверх на стоявшего как изваяние мужчину; вот не могла не смотреть, словно ее неодолимо притягивала эта загадочная в своем подчеркнутом одиночестве и отстраненности от мира фигура. Возле него на земле стоял здоровенный рюкзак, явно набитый какими-то вещами под завязку. Ей и эта деталь оказалась страшно любопытной, и Майя все гадала, зачем ему столько вещей и, усмехнувшись невольно, даже двинула теорию, что незнакомец в монастыре поселиться собрался или вообще в монахи определиться насовсем.

Взяв билет, она неспешно прогулялась по берегу туда-обратно, размяться после длинного и уже сильно измотавшего пути. Постояла, обозревая пейзаж, и вздохнула глубоко, с удовольствием втягивая в себя вкусный чистый воздух.

Было совсем раннее утро, солнце уже почти поднялось из-за горизонта, все еще окрашивая мир розово-алыми сполохами нового дня. На противоположном высоком берегу просматривались величавые сосны, верхушки которых еще плескались в этих рассветных, казавшихся на их зеленой хвое алыми переливах, река плескала о берег, стрекотала какая-то звонкая птица, мир просыпался и казался прекрасным. Если бы не людской гомон на берегу, можно было бы подумать о его первозданности и чистоте. Майя почувствовала умиротворенность в душе от этой красоты, с удовольствием постояла еще, вдыхая полной грудью пахнувший рекой воздух, и побрела назад.

Когда она проходила мимо ряда лавок, заполненных людьми, вдруг какая-то женщина окликнула ее:

— Девушка, идите сюда! — и призывно махнула рукой. — Я подвинусь, присаживайтесь.

— Спасибо, я лучше прогуляюсь еще, — поблагодарила Майя.

Садиться она не хотела, отчетливо представляя, что последует за этим радушным предложением. Но женщина настаивала и уже подвинулась, освобождая место рядом.

— Садитесь-садитесь, — похлопала она рукой по лавке рядом с собой. — В ногах правды нет. А если вы в Пустонь едете, то там еще настояться придется эхе-хе, несколько часов подряд.

— В Пустонь, — сдалась Майя и вздохнула безысходно, усаживаясь рядом.

— Я тоже туда, — покивала понимающе женщина. — Уже второй раз.

И за этим замечанием неизбежно, как лавина, перезревшая на склоне горы, последовало повествование о ее беде и болезнях. Это был уже пятый рассказ о горестях, выслушанный девушкой. Три женщины в поезде, по очереди, а иногда и перебивая друг друга, одна попутчица в автобусе, и вот еще и сейчас...

Майя слушала вполуха, не от холодной бесчувственности, а скорее от некой защитной реакции сознания, уже уставшего себя укорять, ругать и мучиться чувством вины.

Но Майка слушала, как наказание принимала.

Шестой рассказчицей о своем горе-беде стала женщина на катере, рядом с которой Майя устроилась на палубе, усевшись на свою стильную дорожную сумку, не монтирующуюся, как и сама девушка, с этими суровыми местами, стареньким катерочком с облуплен-

ной краской в десятки слоев и с этими простыми, истинно страдающими людьми.

Хотя нет, не совсем. Народ как раз здесь собрался разный и из разных краев страны — в основном женщины, мужчин было гораздо меньше. Социальное расслоение имело место и было довольно заметно. Много простых людей невеликого или среднего достатка, есть и позажиточней, Майя заметила несколько женщин, явно дорого упакованных: салон, маникюр, прически, одежда из бутиков. Да и некоторые мужчины точно тянули на бизнесменов средней и повыше руки, по крайней мере, на людей из народа они точно не походили.

Она снова бросила взгляд на мужчину, стоявшего недалеко от нее на носу катера, прикрыла глаза и откинула голову на борт.

— Ох, я вас заговорила, — спохватилась соседка. — Все про себя тут жалуясь и жалуясь, а у вас наверняка своя беда непростая, коль вы в Пустонь добираетесь. И то правда, отдохните.

Майя не ответила. А что ответишь? Признаться, что по глупости в Пустонь собралась, по непониманию того, с какими тяжелейшими проблемами люди сюда едут за самой последней надеждой на помощь. И не развернулась, не уехала обратно только потому, что привыкла доводить дело, за которое бралась, до конца! А сбежать сейчас, когда с такими трудностями преодолела весь путь и уже практически добралась до места, стало невозможно. Что ответить?

Нет у нее никакой беды!! И горя тоже нет!! Нет! Дурость есть, как выяснилось, а горя вот нету!

И постаравшись отгородиться от всего — от шума громко урчащего мотора катера, от гомона людских

разговоров, от плеска воды за кормой, от голоса соседки и даже от мужчины, стоявшего на носу корабля, — она вдруг четко и ясно вспомнила, как и по какой причине оказалась здесь, в Сибири, на задрипанном катерочке, в глухомани Российской державы.

Две недели назад Майя Львовна Веснина, разумная взрослая и даже успешная и деловая девица тридцати трех лет, рыдая на большой стильной кухне в московской квартире своих родителей, была абсолютно, сто процентно уверена, что у нее ужасная, непреодолимая проблема!

Просто беда всей жизни!

И вообще все и навсегда теперь с ней плохо!

Еще тринадцать лет назад она заподозрила, что с ней что-то не так, не совсем в порядке, но тогда все посчитали случившееся с Майечкой расшалившимися нервами и стечением неблагоприятных обстоятельств. Но теперь-то она точно убедилась, что никакие это не нервы, а рок. Напасть непонятная! Как там говорят? Проклятие? Или порча? Да боже мой, хоть что!

Может, вот все это самое и проклятие с порчей на пару!

В двадцать лет Майя влюбилась первый раз в своей жизни.

Его звали Игорь Антонов, он был старше ее на пять лет и казался абсолютно прекрасным, самым лучшим мужчиной. По крайней мере, в том, что он лучший и прекрасен, Майя была уверена стопудово первые три месяца.

Они познакомились на Поклонной горе, где катались на роликах — он со своей компанией, она со своей. Стояли рядом в очереди в ларек за шашлыком,

и Майя чуть не упала, когда ее неудачно толкнул человек, отходивший от прилавка со своим заказом в руках; она автоматически схватилась за парня, стоявшего рядом, и они чуть не свалились оба. Но устояли, выделявая невозможные кренделя ногами-телами, пытаясь поймать равновесие и держась друг за друга. Посмеялись, пошутили, познакомились на фоне такого прикольного инцидента обе их компании, прокатились вместе до вечера и обменялись телефонами.

На следующий день Игорь позвонил и пригласил в кино. Фильм им обоим не понравился. Они сбежали с половины сеанса и гуляли по Москве, а вечером, когда Игорь проводил ее до дома, целовались на площадке между этажами.

И все-все-все стало прекрасно!

Он звал ее Маёк, имя это ей не нравилось, но она смеялась и летала как на крыльях от восторженной влюбленности. Через три месяца знакомства и одной совместной ночи в загородном пансионате Игорь пригласил ее в гости знакомить с родителями, объявил, что хочет на ней жениться, и сделал предложение, ошарашив и своих родителей, и Майю.

И она неожиданно как-то даже растерялась от такого радикального заявления, что, собственно, не помещало ей ответить согласием. Ну, что? Пришлось вести Игоря к своим родителям и уведомлять теперь уже их о намерении молодых пожениться.

Родня жениха и невесты познакомилась и, вынужденно сплотившись, принялась за подготовку мероприятия, стремительно разраставшегося масштабами по мере составления списков приглашенных гостей с обеих сторон.

А с Майей начало твориться нечто непонятное!

Чем активнее разворачивалась подготовка к свадьбе и чем меньше времени до нее оставалось, тем сильнее в ней нарастало странное беспокойство — непонятно почему она начала как-то непроизвольно, будто и не по своей воле, отгораживаться, отодвигаться от Игоря и смотреть на него совсем иными глазами.

Вдруг наша невестушка ни с того ни с сего стала замечать, что ее избранник не такой уж безупречный и великолепный мужчина, каким ей казался до предложения. То неожиданно как-то выяснялось, что ей совершенно не нравится его манера рассуждать с умным видом обо всем на свете и поучать ее жизни, то вдруг она сделала удивительное открытие, что ест он некрасиво, чего раньше в упор не замечала, а присмотревшись, так и вообще поняла, что не так уж он и неотразим на самом деле, а скорее и совсем даже обычный парень, ничего особенного.

И в какой-то момент Майя вдруг отчетливо поняла, что совершенно не хочет замуж за этого человека!! То есть абсолютно!!

До свадьбы оставалось две недели, когда она четко осознала, что замуж за Игоря не пойдет ни за что, категорически! И проводить с ним первую брачную ночь не будет еще более категорически и однозначно!! И вообще спать с ним больше никогда и ни за что не будет!!

Но страшнее всего оказалось понимание того, что остановить подготовку к свадьбе и отказаться от самого мероприятия Майя была не в силах! Это уже находилось не в ее власти и не зависело от ее желания! Родственнички обоих молодых так расстарались и вложились такими деньжищами, пытаются перещеголять друг друга, что даже представить, что произой-

дет, если она вдруг вот так просто заявит, что передумала, было невозможно. Да вы что?! Армагеддон!! Гибель «Титаника»!! На всем ходу в айсберг к чертовой матери!

Несколько дней Майя бегала ото всех, уверяя, что ей срочно надо сдать все «хвосты» по занятиям в институте, пряталась от Игоря, практически перестав с ним разговаривать, что-то бурчала в ответ на недоуменные расспросы родителей и переживала, мучилась ужасно и страшно себя винила и понятия не имела, что делать. И жила с этим нарастающим внутри ужасом, никому ничего не рассказывая о своих переживаниях.

А самое страшное, знаете, что? Она казалась великолепной невестой!!

Ее свадебное платье было такой невероятной красоты!! Потрясающее, волшебное платье, и оно так ей шло!! В нем Майя выглядела настоящей принцессой, изумительной красоты и очарования невестой! Ах, какое же это было платье!

Да ради одного этого платья и того, какая она в нем сказочная, стоило провести всю эту чертову свадьбу! Вот только ради одного этого платья!!

Но она не могла!

Как-то вечером за ужином, за десять дней до свадьбы, мама, сверяясь со своими списками дел и заданий по проведению торжества, с которыми теперь не расставалась и даже на ночь клала на тумбочку рядом с кроватью, напомнила дочери голосом строгой распорядительницы:

— Майя, у тебя завтра последняя примерка платья в три часа. Не забудь, и никаких отговорок про учебу!

И эти мамины слова оказались той самой последней каплей яда, вдруг вызвав у Майи ужасный, неконтролируемый приступ паники! Такой страшной паники, что она вдруг начала физически задыхаться, перепугавшись до чертиков!! Она сипела, хрипела, хваталась за горло и никак не могла вдохнуть!

— Майя!! Майечка!! — услышала она как бы издалека перепуганный голос мамы.

Перед глазами все поплыло-поплыло, и девушка провалилась в темноту.

Она попала в больницу, и ей поставили странный диагноз — двустороннее воспаление легких, что-то там про спонтанное и стремительное заболевание и нервное истощение. Болезнь Майю сильно не испугала, пугались и переживали за нее родители, а вот то, что таким образом она избежала свадьбы, глупую девочку Майю тогда сильно порадовало.

В больнице она провалялась больше месяца. Свадьбу, разумеется, отменили, но не до конца — заказанный и оплаченный ресторан гости посетили под девизом: «за выздоровление невесты». Как и запланированное на следующий день загородное гуляние с катанием на лодках и оплаченный пикник с шашлыком и спиртным продолжением.

Игорь приходил в больницу каждый день первые две недели, потом раз в неделю, а когда Майю выписали, встретил с цветами и промямлил что-то про «не судьбу» и «наверное, это знак такой, что они поспешили». Майя, с трудом скрывая радость от чувства полного освобождения, поцеловала бывшего жениха в щеку и отпустила на все четыре стороны. И первый раз за два месяца вздохнула полной грудью.

А вот родители ее искренне расстраивались и счи-